

КОНТЕКСТ ФАСБИНДЕРА

Уж коли повезет — так повезет, и плюс к огромной ретроспективе Фасбиндера (см. «ЭС» № 47) москвичи смогли увидеть еще две — в Музее кино и в «Новороссийске». Первая называлась, как и моя статья. Вторая, организованная фирмой ОНИК совместно с немецким культурным центром имени Гете, — «Минус Фасбиндер». Она включала в себя картины основных режиссеров немецкой «новой волны». Попробуем дать два среза — горизонтальный и вертикальный. То есть взглянуть в ровесников и наставников режиссера.

Ровесники

Точнее — почти ровесники. Фасбиндер среди них — самый младший. Годом раньше родился Вим Вендерс (1945), еще тремя — Вернер Херцог (1942). Их троих теперь чаще всего и упоминают, когда говорят о новом немецком кино 70-х годов, причем Фасбиндер был первым, кому удалось прорваться к зрителю в середине 70-х, отталкиваясь от общего манифеста молодых бунтарей. Но начинал не он, а Клодге и Шлендорф, отчасти Херцог. В «Битве ангелов» есть эпизод: герой ищет брата, а того убили, и труп лежит в комнате, на двери которой приколота записка: «Покойный Фолькер Шлендорф». Прикол в стиле Годара.

Если смотреть фильмы немецкой «новой волны», то ее режиссеры окажутся достаточно далеко друг от друга. Но в целом это поколение одиночек, ищущих в рамках общей культурной почвы. У Клодге (чьей ретроспективу совершенно не слышно, без рекламы в начале года провел тот же ОНИК) больше леворадикального формотворчества, фильмы, кроме «Сильного Фердинанда» (1975), сделаны с весьма малой заботой о зрителе, в том числе, что он должен слишком за многими следить сразу. Зато Шлендорф, начинавший аналогично, но с уклоном в молодежную проблематику, вслед за Фасбиндером, повернул к экранизации и именно в середине 70-х. «Выстрел из милосердия» — по роману Маргерит Юрсенар — шел в обоих ретроспективах.

Общее с Фасбиндером — в анализе «спохватившегося» левого сознания. Только здесь истоки, а отнюдь не пик тоталитаризма. Слово предугадывая нынешние метания «справа налево», которые мы можем наблюдать в отечественной культуре, Шлендорф заставляет графиню Софи фон Реваль (ее играет жена режиссера Маргарете фон Тротта) метаться между любовью к революции и к возлюбленному — белому офицеру (действие происходит в Балтии после победы большевиков). Вариант «Рабы любви», только роль разведчика, человека с двойным дном, играет женщина.

Позднее фон Тротта уже как режиссер исследует все связи феминизма с ультралевым терроризмом, в том числе поставит очень сильный фильм о Розе Люксембург. Я не помню, чтобы где бы то ни было так показали связь самого возвышенного идеализма с уголовной, люмпенской средой, которая и расправляется с «идеалистами» в первую очередь. А у Фасбиндера фон Тротта сыграла в той же «Битве ангелов» роль подружки гангстеров — в окружении излюбленных фасбиндеровских персонажей она выглядит как в царстве призраков. Но контекст здесь в общем интернациональный, вспомним хотя бы Миклоша Янчо.

Двинемся, стало быть, дальше, от политики к культуре. Здесь Фасбиндер весьма тесно соприкасается с Вернером Херцогом. Но если первый в конечном счете не ограничивал себя «корнями», думая о природе фашизма и его воплощении и исследовании в кино, то Херцог с уникальной последовательностью выражал и радикально переосмысливал традиции именно немецкого романтизма, не порывая с ним, но дезавуируя,

но исключительно трезво оценивая, что XX век сделал с «сумрачным гением». Одержимость недостижимой мечтой, способной увлечь тысячи людей, оборачивается безумием и гибелью («Агирре, гнев Божий», 1972), а отверженный одинокий принц оказывается люмпеном, будь то найденный Каспар Хаузер («Каждый за себя, а Бог против всех», 1974) или выпущенный из тюрьмы рабочий «Строшек» (1976). Изобразительная магия фильмов Херцога будто спорит с безнадежностью их содержания. В этом смысле и показанная «Фата-Моргана» (1970) не составляет исключения.

Равным образом и Вим Вендерс, представленный лучшими своими лентами: «Алиса в Городах» (1973) и «С течением времени» (1976), столь же обязательный, как и Фасбиндер, и французскому,

и американскому кино, предпочитает одно измерение — метафизическое. Его герои вечно странствуют в поисках самих себя. Но к контексту Фасбиндера это имеет весьма косвенное отношение — наш герой очень зло издевался над претензиями сделаться выше, чем ты есть на площадке (а не вошедшей в ретроспективу работе «Предостережение святой проститутки» рассказывает о том, как режиссер собирается снимать кино и абсолютно не может договориться с группой — явная полемика с «Восемью с половиной» Феллини).

Впрочем, Вендерса интересовало чистое кино, его постмодернизм — скорее философский, чем эстетический. В обеих картинах ребенок давал надежду отчужденному герою, задумчиво вглядывающемуся в следы вчерашней реальности на пленке или в разрушенную речь отклоняющихся от речевой нормы подростков. Обаяние Вендерса — в стиле, понимании глубины и нетривиальности его картин приходит постепенно. Процесс рассказывания истории в конечном счете выправляет искусственность самой истории (кроме «Алисы»). Фасбиндер не желает быть приятным, он творит миф.

Из близких Фасбиндеру художников был показан еще Вернер Шретер. «Айка Катаппа» (1969) — эссе на тему «кино как лакмусовая бумажка типов условности», будь то «несрепетированная реальность» а-ля «снимаем верите» или густопсовая опера — классика, «снятая» кичем. Эта лента без начала и конца, без титров, с диковатым названием стала, пожалуй, главным событием обеих ретроспектив. Но Фасбиндер ускользал из горизонтального контекста, требуя проверки традициями «авторского» (в том числе жанрового) кино тех, кто его, так сказать, сформулировал.

Наставники

Вообще-то это дело тяжелое — искать реальных учителей Фасбиндера. А сам он называл фигуры ныне малоизвестные (во всяком случае у нас). Допустим, «Хабанера» Дугласа Сирка (1937), немецкого режиссера, эмигрировавшего в США. Среди репатриантов у новых волн были любимцы — Ренуар и Ланг у французов, например. Фасбиндер ухватывал точную проработку плана действия, но, думаю, его гораздо больше интересовала чувственная стилистика мелодрам Сирка — в «Хабанере», к тому же снимался Цара Леандр, поминавшаяся Бродским в «Сонетах к Марии» («Цара Леандр шла топ-топ на эшафот»). Можно усмотреть и интерес к подав-

ленному эротизму героини «Хабанеры», вполне безумному в нормальной жанровой картине.

«Папино кино» было представлено Вольфгангом Штаудте «Убийцы среди нас». Из наиболее родственных душ, разумеется, «Аккатоне» Пазолини: тема распятия люмпена отзовется в немилым кичевом обрамлении в «Берлин, Александерплац».

Особый вопрос — мэтры «новой волны» французской, из которых мы смогли увидеть Ромера, Шаброля, а также Жана-Пьера Мельвиля («Счастье» Аньес Варда куда-то запропастилось).

Отцы — основатели новой волны (и среди них первый — Мельвиль, — ему-то и посвятил фильм «Выстрел из милосердия» Фолькер Шлендорф) — открыли новые способы выражать состояние времени и человека в нем, авторизуя кинематограф как литературу. Но сквозь остановившееся время и моральный эпатаж Шаброля в «Миллашках» (1959) или парадоксальные игры случайности и закономерности в судьбе индивида (Ромер, «Знак Льва») всегда просвечивало «я» автора как демиурга, творца экранного мира.

Фасбиндер всегда заявлял свою манеру с самого начала картины. Его интересовали не парадоксы взаимоотношений автора с персонажами и автора с миром и Богом, но тихие катастрофы в судьбах — или, если уж эксперименты, так до полного почти разрыва с сутью высказывания, когда только жанровый каркас дает какое-то относительно стабильное состояние экранного мира — только нужно оно ему по-другому, нежели французам, уповающим на вкус и «отменную манеру» письма.

Тем не менее именно взаимоотношения традиций авторского кино с голливудскими традициями полицейского и «черного» фильма здесь особенно

интересны. Мы можем судить хотя бы по известному «Красному кругу» с его темой рока и тщеты человеческих усилий. Чем больше усилий, чем они поначалу успешней, тем сокрушительнее поражение в извечной жизненной борьбе с «чуть-чуть» — человеческим «я», проявляющемся в самых суровых условиях, — что и ведет это «я» к гибели.

Было бы хорошо, если бы устроители ретроспектив дали возможность увидеть и другие фильмы Мельвиля, через голову которого Фасбиндер знакомился с американским кино 40—50-х годов, и само это кино совершенно у нас неизвестное. И Сэмюэл Фуллер, и Николас Рей — почетные фигуры в пантеоне Фасбиндера.

Кстати, если уж быть совсем точным, две ретроспективы Музея кино отличались друг от друга. Пазолини попал вместе с Сирком в «Пантеон» Фасбиндера. А Ромер, Шаброль и другие — в контекст Фасбиндера. Разница тут не только, так сказать, иерархическая: пантеон Фасбиндер выбирал сам. А в контексте он «оказался».

Чужой среди своих

Остается загадка феноменальной творческой деятельности нашего героя. Потому еще так трудно проводить внятные параллели с соотечественниками и современниками, что режиссер был не только и не просто режиссером. В пору угасания потенций развития кинематографа, на излете шестидесятых, Фасбиндер вместе с Вендерсом поддерживали престиж немецкого кино.

Но в отличие от собратьев по камере (звучит двусмысленно, но что подделает) Фасбиндер делал кино, решая какие-то свои, экзистенциальные задачи. Его фильмы вот именно что «случаются», хотя кто-кто, а Фасбиндер никогда не полагался на вдохновение, он жил в бешеном ритме, мучая сотрудников и любовников, вызывая ярость и любовь женщин, выясняя в кадре отношения даже с собственной матерью, актрисой, которой он фактически дал вторую жизнь, непрерывно снимая в своих лентах. Разумеется, многое было напроказ, и, как, допустим, Херцог, Фасбиндер сознательно использовал ампулу художника-худовища, способного на безумство.

Но дело не столько в темпераменте, сколько в катастрофичности мира Фасбиндера, не опосредованного ничем — ни культурной традицией, ни метафизическими поисками и вероучительством, ни даже формальными открытиями. Это был какой-то непрерывный опыт на самом себе, магическое заклятие ужаса бытия и мощное чувство вины за фашизм, предельно далекое от «ангажированности», но реальное, живое, прячущееся за ухмылкой, иронией, метаниями из стороны в сторону.

Этот режиссер не мог бы сказать «все мы — убийцы», потому что уже в слове «все» ему чудился тоталитаризм. Степень одиночества его героев поразительна, но это не специальное одиночество экзистенциального маргинала, как у Херцога. Это именно отчаяние от одиночества — разрывается сердце, или человек убивает близких, или с необъяснимой, внезапной жестокостью человек бросает другого, и тот просто умирает. Вина здесь неведома жертве вроде бы праведного суда. Если исключить «Лили Марлен» (о ней уже шла речь), то Фасбиндер не склонен ко всяким играм с моралью. Но он, как и Пазолини, уходит от преступления и наказания к глубинам отсутствия веры в гуманность именно там, где эта гуманность заявлена и всячески превозносится себя.

Он как будто задавал целью искоренить любое прекрасное во взгляде на личность. Ни на что нельзя опереться — человек ненадежен, как и мир вокруг него. Но можно другое: не залезая в душу, буквально на секунду удержаться от зла и обнять брата по человечеству. А лучше сестру — при всех «но», Фасбиндер, по свидетельству коллег, добивался немислимой точности проникновения во внутренний мир женщины.

Не знаю, как пойдет дальше знакомство с творчеством режиссера и с его учителями, современниками и наследниками (может, есть уже и такие). Возможно, если покажут его предсмертную работу «Керель», единодушно подвергнутому остракизму, то же самое произойдет и у нас. Но уверен, что сам опыт введения художника в контекст, и не один, а несколько, не должен пропасть. И в этом случае «минус Фасбиндер» станет на наших экранах звучать как «Фасбиндер плюс».

Андрей ШЕМЯКИН.

● Фасбиндер, Вендерс, Шлендорф, Херцог.